

Научная статья
УДК 82'89

Грамматика идей Умберто Эко – универсальный синтаксис мышления

Д. А. Гусаров¹, А. Л. Семёнов²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹dmitriy_gusarov@mail.ru

²arksem@gmail.com

Аннотация. Поиск идеального языка – это не только глобальная проблема устройства мира, но и постоянная рабочая коммуникативная проблема любого переводчика в художественном или информативном переводе. Текст произведения – это интерпретация мышления и опыта. Перевод – это интерпретация интерпретированного. Переводчик должен выбрать из предъявленных знаков и их смыслов те объекты, которые имел в виду автор. Цель статьи – показать, что идеи У. Эко могут иметь инструментальное для переводчика значение.

Ключевые слова: знак, слово, высказывание, отражение, перевод, интерпретация

Для цитирования: Гусаров Д. А., Семенов А. Л. Грамматика идей Умберто Эко – универсальный синтаксис мышления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 26–33.

Original article

The Grammar of Umberto Eco's Ideas: Universal Syntax of Thinking

Dmitry A. Gusarov¹, Arkady L. Semenov²

¹MGIMO University, Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹dmitriy_gusarov@mail.ru

²arksem@gmail.com

Abstract: The search for an ideal language is not only a global problem of the world order, but also a hard communicative problem of any translator in artistic or informative translation. The text of a work is an interpretation of thought and experience. Translation is an interpretation of the interpreted. The translator have to select the signs and their meanings from the objects which the author had in mind. The aim of the article is to demonstrate that U. Eco's ideas can be the instruments for a translator.

Keywords: sign, word, utterance, reflection, translation, interpretation

For citation: Gusarov, D.A., Semenov, A. L. (2024). The Grammar of Umberto Eco's Ideas: Universal Syntax of Thinking. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 26–33. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Путешествие художественного произведения по миру проходит через три вершины превращений и бытия: вдохновенное творчество автора, перевоплощение переводчика, критическое восприятие читателя. У автора есть свой адресат, которому он доверяет свои мысли и замыслы в своей заботе о художественном воплощении событий и образов в языковых формах, доступных и понятных читателю. Писатель говорит со своим читателем на одном языке и всеми художественными возможностями делает этот разговор обоюдно понятным. Но, отправляя свое произведение в читательский мир, мастер не думает о том, что его произведение может оказаться интересным для читателей иной языковой картины мира. *Родной* читатель знает своего автора, и полон целесообразных ожиданий, которым суждено или не суждено оправдаться. Даже не оправдавшиеся ожидания понаты *родным* читателем с полуслова. Логическая прагматика смысловых посылов автора через общую знаковую систему не так уж и актуальна для автора произведения и вполне понятная его *родным* читателям. И критически настроенный *родной* читатель достаточно полно понимает всю символику авторского текста.

Иначе складывается судьба художественного произведения, если оно выходит за пределы *родного* читательского мира, что, вообще-то, является естественным фактом транзита лингвокультур, т.е. средством продвижения авторской мысли в другую, неведомую автору среду восприятия его художественного замысла и художественных образов. При создании своего произведения автор ведет диалог с читателем не просто на их общем языке, а в надежде на понимание *с полуслова*. И вряд ли автор думает о том, как будет понимать его замыслы читатель из другой лингвокультуры, хотя это всегда было актуальной проблемой обмена художественными ценностями. Решение этой проблемы автоматически и традиционно передается переводчику.

Рассматривая задачу перевода с позиций лингвистической теории, к которой всей своей сутью относится школа перевода Московского государственного лингвистического университета, мы принимаем за основу объекта нашего исследования соотношение лингвистики дискурса и лингвистики текста. И поскольку технологии современного перевода и переводоведения используют сравнительно-сопоставительные методы исследования языков оригинала и перевода, нам представляется необходимым рассмотреть основные позиции теории Умберто Эко и его понимания соотношения систем знаков как языковых форм, семантики и прагматики языков в переводе, участвующих в межкультурной

коммуникации. Основной целью нашей статьи является привлечение внимания переводчиков и переводоведов к сути лингвистических идей исследования У.Эко, в которой мы видим инструментальность сопоставительных выводов и оценок.

Читатель из другой лингвокультуры получает художественное произведение фактически не от автора, а от переводчика, хотя воспринимает его исключительно как авторское, а не переводческое произведение. Перед переводчиком встает многоаспектная задача перенесения оригинального произведения в новое семиотическое пространство для существования и функционирования замыслов автора во всей их полноте. По нашему мнению, определяя понятие «замкнутость семиосферы», Ю. М. Лотман характеризует ее не как набор специфических элементарных символов и актов, а как целостную систему, отличающуюся *неоднородностью* и имеющую *отграниченное* пространство [Лотман 1996] и для понимания и интерпретации системы, т.е. для перехода границы, необходим интеллект, распознающий последовательность знаков системы и мыслительного отображения в конкретной последовательности.

ПРЕДМЕТ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о взаимосвязи сознания и языка представляет собой важную переводческую коммуникативную двуединую проблему лингвистической семиотики: что из принадлежащего сознанию позволяет индивидам осуществлять обмен знаками и что из принадлежащего языку позволяет его знакам быть представителями объектов внеязыковой действительности. Мы предполагаем, что в ходе межкультурной коммуникации предметом переводческого анализа остается текст оригинала, представляющего отграниченное пространство, но задачей является полное отражение его комплексной системы.

Умберто Эко обращает внимание на научную концепцию стоицизма, согласно которой в сознании человека присутствуют идеи, имеющие соответствия в звуках (греческого) языка. Соответствия идея-звук образуют такую всеобъемлющую структуру как логос, в которой мысль и ее естественный проводник – речь – отождествляются [Эко, 2009].

Такая позиция греческих философов классической эпохи позволяет сделать несколько практических допущений. Элемент сознания, называемый мыслью, имеет характер именно идеи, т.е. умопостигаемого образа реальности. Умопостигаемость, в свою очередь, предполагает возможность выхода мысли-идеи за пределы порождающего сознания, и единственный способ

такого выхода – использование материальных знаков, самому сознанию не принадлежащих. Без возможности представления за пределами сознания идеи не существует, поскольку нет возможности познать ее, а, следовательно, нет оснований утверждать, существует ли идея или нет. Таким образом, знать что-то (иметь в сознании идею), значит также уметь про это сказать, а невозможность выразить означает незнание. Полагаем, что отождествление мысли и речи стало возможным именно на основании восприятия говорения как свидетельства о наличии идеи, а сам логос можно интерпретировать как знание о свойствах объектов и об имеющихся в языке способах знакового представления этих свойств.

Умберто Эко указывает на важное свойство языка, заключающееся в том, что язык может выражать человеческий опыт. Более того, язык, по мнению ученого, «стремится выразить всё, то есть перелить в слова весь наш опыт...» [Эко, 2009, с.33]. Отсюда становится очевидной ведущая роль познания и его результата – знания – в формировании знаковой системы языка. Ведь опыт – это и есть знание, и если язык выражает знание, то есть становится в речи средством описания свойств познанных объектов, то функционирование знаковой системы возможно лишь в среде языкового коллектива – множества индивидов, объединенных общностью познавательного опыта, то есть знающих одни и те же свойства объектов и одни и те же знаковые средства их представления. Тогда в дву- или многоязычной коммуникации возникает ситуация отражения и отображения знаков – некая синонимия человеческого опыта и синонимия средств выражения в оригинале и переводе.

Исключительно интересной нам представляется предложенная Умберто Эко трактовка семиотической модели естественного языка Л. Ельмслева [там же]. Данная модель начинается с оппозиции: в ней происходит противопоставления двух континуумов – континуума выражения, представляющего собой все звуки, которые возможно произвести посредством речевого аппарата, и континуума содержания, состоящего из всего универсума, который можно помыслить и выразить в речи.

Однако оба эти континуума нуждаются в организации, что приводит к образованию еще одной оппозиции. Средством организации континуума выражения становятся фонологическая система, лексический инвентарь и синтаксические правила языка, которые в совокупности образуют форму выражения. Форме выражения противопоставлена форма содержания, организующая континуум содержания и представляющая собой систему обозначений (например, систему обозначения цвета).

Наконец, третьей оппозицией становится оппозиция, образованная субстанцией выражения и субстанцией содержания. Субстанция выражения производится посредством формы выражения и представляет собой высказывания и тексты, смысл которых является субстанцией содержания.

Анализируя концепцию совершенного языка Данте, Умберто Эко приходит к выводу, что лингвистические субстанции и формы являются двумя составляющими естественного языка, в которых воплощается естественная способность к нему каждого человека. Сама же способность к языку есть «предрасположенность связывать рациональные означающие с означаемыми, которые могут быть восприняты органами чувств» [Эко, 2009, с. 47]. Рациональность означающего здесь, видимо, следует понимать как осмысленность знака, т. е. надделения его смыслом – условным закреплением за знаком свойств познанного объекта, которое позволяет применять знак всякий раз, когда в коммуникации возникает необходимость означивания этих свойств. Коммуникация предстает в этом случае как процесс непрерывного обобщения, когда говорящий включает объекты действительности в те классы предметов, свойства которых закреплены за знаками созданного высказывания. Коммуникативная задача слушающего носит характер догадки – ему предстоит на основе предъявленных знаков и их смыслов включить в класс именно те объекты, которые имел в виду говорящий. Роль слушающего в таком случае может исполняться переводчиком.

В данной троичной модели (континуум – форма – субстанция) для нас особенно представляется важной возможность сформулировать гипотезу о семиотической природе дискурса. Ведь если воплощенные в высказывании субстанции выражения и содержания производятся посредством форм, то создание речевых произведений подчиняется общим для языкового коллектива правилам относительно грамматического использования знаковых элементов систем обозначения. И если речевое произведение есть общая форма существования для субстанций выражения и содержания, то языковой знак есть общая форма существования для формы выражения (знак обладает грамматической – лексической и синтаксической – сочетаемостью) и формы содержания (знак есть элемент системы обозначения).

ИССЛЕДОВАНИЕ

Между речевой субстанцией и языковой формой есть важное отличие, которое мы усматриваем в прагматике, заключающейся, по мнению Эко, в правилах употребления, учитывающих обстоятельства

и контекст высказывания [Эко, 2009]. Исходя из того, что языковой знак – это элемент какой-либо системы обозначения, а обозначению подвергается нечто познанное, то сама природа высказывания видится нам как означивание и переобозначивание в отражении (обозначение знаком и переобозначение отражением) познанных свойств объекта, при этом познанных как отправителем, так и получателем высказывания или его отражение и перевыражение. В этой связи вопрос о прагматике представляет для нас прежде всего вопрос о мотиве, побудившего говорящего означить общеизвестное знание в пресуппозиционном понимании коммуникации. И если рассматривать дискурс как бесконечное, постоянно пополняемое множество речевых произведений, то мотив может стать основанием для деления этого множества. А знаковую природу дискурса можно усмотреть в том, что он представляет собой множество высказываний, объединенных общим мотивом означивания общеизвестных свойств объекта, т. е. в многоязычной коммуникации высказывание строится выравниванием нового по отражению известного. Общий мотив означивания составляет не только основу для объединения речевых произведений (высказываний и текстов) в конкретный дискурс, но и для противопоставления текстов и высказываний одного дискурса речевым произведениям другого, что позволяет говорить уже о множестве дискурсов и их симметрии.

Конечно, прагматический по своей природе мотив означивания – это лишь одно из множества оснований, которые можно найти для сведения речевых произведений в дискурсы. Нам представляется, что есть и другие, на основании которых уже в рамках очерченного дискурса можно образовать парадигмы высказываний и подразделить отдельно взятый дискурс на дискурсы меньшего порядка. В этой связи наше внимание привлекло то, как нам кажется, особое значение, которое Умберто Эко придает поверхности текста, или его синтагматической структуре. Анализируя деятельность каббалистов, ученый указывает, что синтагматическая структура текста может быть разложена до мельчайших лингвистических частиц и восстановлена в другом порядке, что представляет собой типичное в межязыковой коммуникации повторное языковое творчество. Это нам представляется важным, ведь такой подход позволяет объединить множество высказываний в один дискурс на основании общего означенного знания (синтагма), а потом противопоставить их друг другу, сравнив по способу означивания общего элемента, а также по означиванию или неозначиванию других свойств описываемых объектов. Но главное – это возможность повторного

языкового творчества, заключающаяся в том, что из синтагм сведенных в дискурс высказываний можно в соответствии с правилами грамматики строить новые, отличные от тех, что были взяты извне, т. е. в конечном итоге дискурс получает возможность пополнять себя сам, не обращаясь к области внешних, еще не включенных в него текстов. Получается, что грамматические правила организации синтагм (формы выражения) и сами синтагмы (формы содержания) способны производить новую субстанцию без участия сознания, опираясь лишь на законы комбинаторики, познать которые «означает найти ключ к формированию всякого языка» [Эко, 2009, с. 41]. Представляется, что рассматриваемое в таком свете дискурсивное образование можно, сравнить с порождающей матрицей, задающей комплекс правил для построения новых высказываний. Возникнув в сознании на основе усвоенных образцов речевых произведений, порождающая матрица задает отношения между объектами в рамках простого суждения, сохраняя при этом всевозможные знаковые обозначения, как для самих объектов, так и для отношения между ними. Постоянное пополнение и уточнение содержания матрицы за счет новых речевых образцов позволяет сознанию-носителю посредством аналогии делать выводы относительно правил комбинирования знаков и, следовательно, относительно возможности построения других высказываний, или относительно существования других речевых произведений. Этот непрерывный процесс приводит индивида в качественно новое состояние языковой личности, когда он получает способность создавать высказывания, ранее им не воспринятые.

ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Если допустить возможность полностью семиотического создания высказываний и что при этой возможности дискурс сам может комбинировать формы выражения, то следует обратить внимание на важное ограничение, которое вводит Умберто Эко, и которое подчеркивает роль сознания в речевом творчестве. Форма выражения – это конструкция, состоящая из символов и синтаксических правил, «способная автоматически раскрывать возможные системы содержания» [Эко, 2009, с. 64]. Эти системы содержания Эко называет сценариями, или вселенными. Но поскольку семиотическое комбинирование происходит автоматически, то в таком случае могли бы получиться вселенные, «которые невозможны, ибо они невероятны, исходя из нашего прошлого опыта, или не соответствуют тому, что мы считаем законами

разума» [там же], т. е. в случае межъязыковой коммуникации были бы невозможны случаи пресуппозиционного выравнивания лексико-синтаксических конструкций в целях полной проекции смысла в новое отражение сообщения. И в этом случае отбор среди результатов комбинаторики происходит посредством внешних критериев. Именно в этом мы усматриваем взаимодействие дискурса и сознания. Ведь если форме выражения как системе противопоставить форму содержания как системе, то сознание становится тем элементом, которое защищает систему от ошибок, не пропуская в нее неправильные неотражаемые варианты.

Интересной представляется идея формы содержания как системы. Видимо, она не сводится просто к номинативным системам вроде системы обозначения цветов. Скорее, форма содержания организует континуум мыслимого именно в сценарий, в котором наделенные некими свойствами объекты взаимодействуют в рамках определенной ситуации, имеющей логическое начало и завершение. В сценарии проявляются, т. е. получают знаковое обозначение, все познанные свойства объектов, которые могут взаимодействовать в соответствии с законами здравого смысла. Анализируя научную концепцию Раймуна Луллия, Эко обращает внимание на его понимание логики, которая рассматривает «ментальное бытие» вещей и тем самым отличается от метафизики, занимающейся вещами вне разума [Эко, 2009]. Представляется, что таким ментальным бытием вещей как раз и являются организованные в сценарий формы содержания.

Идея сценарности ментального бытия вещи находит свое отражение и в интерпретации Умберто Эко научных взглядов Декарта. Согласно Эко, Декарт в своих трудах говорит о системе, или грамматике идей, в которой мысли, или идеи, имеют ту же логику, что и порядок чисел, а знание простых идей позволяет воспроизводить идеи сложные [там же].

Далее, рассматривая становление научных взглядов на природу языка, Умберто Эко пишет о распространении материалистически-биологической теории, согласно которой язык – это «естественная способность преобразовывать первоначальные ощущения в идеи, а потом и в звуки, в интересах контактов между людьми внутри общества» [там же, с. 95]. В эту концепцию хорошо вписывается понимание логики Луллием. Совокупность ощущений представляет собой опыт, благодаря которому индивид способен мыслить – приписывать вещам свойства, обнаруженные ранее у других вещей. Такой процесс мышления – наделение свойствами, пусть даже и ошибочное – как раз и представляет ментальное бытие объекта, т. е. совокупность

мыслимых идей о нем. А уже для сообщения этих идей нужны материальные объекты – звуки речи.

Выводы

Таким образом, ментальное бытие вещей – это не только сценарии форм выражения, но и соответствующие им и известные индивиду способы вербализации идей о вещах, т. е. – формы выражения. Считая континуум содержания бесконечным, Эко обращает внимание на попытки кабаллистов подвергнуть его сегментации [Эко, 2009]. Полагаем, что такого рода сегментация возможна только посредством наблюдения за текстами, которые представляют собой континуум выражения – доступную для восприятия форму существования мысли в рамках коммуникативного замысла. Видимо, из текстов извлекаются простые суждения, или идеи, которые как раз и являются сегментами континуума содержания, а также соответствующие им синтагмы – сегменты континуума выражения.

Представляется, что ментальное бытие вещей как совокупность мыслимых идей о них доступно познанию посредством выделения из текстов суждений-синтагм, свободных от конкретной коммуникативной задачи автора текста, но вобравших в себя опыт языкового коллектива. Такие суждения и соответствующие им высказывания могут быть объединены в парадигмы, представляющие разные познанные свойства объекта действительности. По-видимому, это и будет та самая грамматика идей, которая в концепции Эко есть модель организации содержания, независимая от естественных языков, т. е. в основе ряда высказываний, в том числе и разноязычных, будет лежать одна и та же идея: определенный признак приписывается определенной вещи – и в этом смысле содержание идеи универсально. Однако, как далее отмечает Эко, «различные языки по-разному организуют содержание» [Эко, 2009, с. 338], а это уже можно рассматривать как уникальное содержание идеи. Собственно, ценность грамматики идей как раз и заключается в возможности сравнения уникальных черт универсалий мышления. В этой связи важной представляется мысль Эко о том, что «все возможные содержания, выраженные в языке, должны быть определены как ряд молекулярных соединений, сводимых к сочетанию атомов или семантических признаков» [Эко, 2009, с. 228]. Становится понятно, что использование слова «грамматика» неслучайно: по-видимому, подразумевается универсальная сочетаемость признаков, т. е. их независимый от конкретного уникального языка синтаксис, определяемый универсальным здравым смыслом.

Экстраполируя синтаксическую структуру мышления на ситуацию двуязычной коммуникации, приходится согласиться с тем, что требования полной симметричности текстов высказывания и перевода вряд ли достижимо абсолютно. С той же глубиной исследовав труды Л. С. Бархударова, В. Г. Гака, Я. И. Рецкера и других теоретиков двуязычной коммуникации, мы полностью согласны с Н. К. Гарбовским в том, что «анализ ... семного состава композиций даже небольшой протяженности показывает, что в переводе воспроизводятся далеко не все семы ... и неизбежно возникают новые семы, которые заключены в формах переводящего языка». [Гарбовский, 2008, с. 29].

Коммуникативно-прагматический аспект речевого употребления высказываний из области грамматики идей является свойством конкретного акта коммуникации, которое зависит от замысла каждого конкретного пользователя-автора, или, как указывает Умберто Эко, «высказывание не меняется, меняется субъект, которому оно приписывается, – и естественным образом меняется его восприятие, способ его толкования» [Эко, 2009, с. 160]. С позиции ментального бытия вещи коммуникативный аспект является, таким образом, внесистемным. Но, с другой стороны, ведь возможно и построение парадигмы высказываний, в которой объединяющей константой будет коммуникативный замысел автора.

Если под знаковым характером какой-либо деятельности понимать мотивированное употребление знака в рамках данной деятельности, то именно мотив личности говорящего становится основанием для организации неупорядоченного дискурсивного континуума всех возможных высказываний. Здесь происходит переход на следующий уровень абстракции по сравнению с моделью СМЫСЛ – ТЕКСТ. В модели И. А. Мельчука задаются однозначные отношения, в которых каждому смыслу соответствует некий текст. При этом смысл понимается исключительно в лингвистическом плане как языковой смысл: для понимания смысла не нужно ничего, кроме знания языка [Мельчук, 2012, с. 29].

Предлагаемую здесь знаковую модель дискурса (т. е. модель более высокого порядка) можно назвать МОТИВ – ИДЕЯ. В рамках данной модели задается соответствие между мотивом участника речевого акта (коммуникативный замысел в самом широком понимании, включающий ситуацию общения, контекст, собеседника и т. д.) и сегментом ментального бытия определенного объекта, обобщившим познавательный опыт языкового коллектива.

Модель МОТИВ – ИДЕЯ основывается на понимании коммуникации как мотивированной вербализации общеизвестного знания, при которой

слушающий ищет мотив говорящего. Модель является иерархической (мотив, идея, смысл, текст) и предполагает множественные соответствия: одному элементу более высокого порядка могут соответствовать один или несколько элементов более низкого порядка.

Главное, однако, заключается в том, что уже на уровне языкового смысла как инварианта разных текстов происходит вербальное означивание неразрывного единства идеи и мотива (двусторонняя сущность), т. е. означивание возникшего в сознании под воздействием некоего мотива образа, или есть мотивированного образа, т. е. – символа (!). Коммуникация – это означивание символов (!). Этот семиотический процесс происходит с помощью системных языковых знаков, но их связь с означаемым уже, как известно, немотивированна.

Понимание коммуникации и символа в указанном выше смысле имеет важные следствия для переводоведения. Следует признать, что в опосредованной двуязычной коммуникации по аналогии с одноязычным непосредственным общением означиванию подвергается символ, т. е. объектом переводческой деятельности является ментальный символ как единство мотива и идеи. Очевидно, что количество таких символов бесконечно. Однако эти символы отличимы один от другого и, следовательно, исчисляемы – подвергаются нумерации и формальной записи. Поскольку человеческое мышление универсально и не зависит от конкретного языка, ментальный символ становится основанием для поиска закономерных межязыковых соответствий. Поэтому до нынешнего времени не теряет актуальности задача, поставленная еще в 1973 году В. Н. Комиссаровым по разработке принципов переводческого сопоставления языков, направленного на выявление единиц ИЯ и ПЯ, заменяющих друг друга в процессе перевода, т. е. на описание системы ИЯ в терминах ПЯ [Комиссаров, 1973].

Далее, понимание перевода как коммуникативной и семиотической деятельности делает очевидным правомерность выводов З. Д. Львовской о принципиальной ошибочности лингвистического подхода к переводу и о бесполезности для объяснения процесса перевода и профессиональной подготовки переводчиков так называемых переводческих трансформаций [Львовская, 2008]. Следует полагать, что переводчик ничего не делает с текстом оригинала в «механическом» смысле. Для него, как и для исходного получателя, ИТ – это подсказка для поиска ментального символа. Означивание этого символа средствами ПЯ будет зависеть от необходимости внесения изменений в идейную часть символа с учетом другой принимающей

аудитории. Мотивировочная часть символа – это инвариант.

Понимание важности социального взаимодействия между участниками коммуникации (автора, получателя оригинала, переводчика, получателя перевода) приводит к ситуации, о которой пишет Э. Прунч: переводоведение пересматривает отношение к лингвистике под влиянием развития дискурс-анализа, который открыл широкие возможности для исследования социо-семиотических факторов, влияющих на процесс перевода [Прунч, 2015]. Дискурс-анализ – метод, подразумевающий «связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти» [Тичер и др., 2017, с. 199]. Сам же дискурс – это форма социального поведения, использование языка как социальная практика [там же].

Таким образом, дискурсивный подход к переводческой деятельности ставит вопрос о противоречии между мотивировочной и идейной частью ментального символа, между личностным мотивом и общепринятой идеологией. Для автора оригинального текста такого противоречия нет:

он действует в рамках привычных ему социальных норм, в его ментальном символе – привычная социальная практика. Переводчик же вынужден сохранить оригинальный мотив в условиях иной коммуникативной ситуации: преобразование идейной части символа под влиянием иной социальной среды становится закономерностью переводческого процесса.

В заключение отметим, что поскольку дискурс есть социальное поведение в использовании языка, то его носителем является человек. Таким образом, становится очевидной антропоцентрическая природа дискурса, коммуникации и перевода. Ведь в конечном итоге именно человек принимает решение на характер коммуникации и перевода, следуя социальным нормам или, наоборот, игнорируя их. В этой связи правильным и перспективным представляется мысль П. Торопа о необходимости развития такого переводоведческого направления как персональная критика – монографического творчества конкретного переводчика, его поэтики, обоснованности выбора им метода и стиля перевода [Тороп, 1995].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
2. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2009.
3. Гарбовский Н. К. Отражение как свойство перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 4. С. 26–36.
4. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.
5. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973.
6. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода: пер. с исп. М.: ЛКИ, 2008.
7. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической: пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015.
8. Тичер С. и др. Метод анализа текста и дискурса : пер. с нем. / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Харьков: Литера Нова, 2017.
9. Тороп П. Тотальный перевод. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri myslyashih mirov = Inside the Thinking Worlds. Moscow: Yazyki russkoi kultury. (In Russ.)
2. Eco, U. (2009). Poiski sovershennogo yazyka v evropeiskoi culture = La Ricerca Della Lingua Perfetta Nella Cultura Europea. St.Petersburg: Alexandria. (In Russ.)
3. Garbovsky, N. K. (2008). Otrashenie kak svoistvo perevoda = Reflection as a property of translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Teoria Perevoda, 4, 26–36. (In Russ.)
4. Melchuk, Ig. A. (2012). Yazyk: ot smysla k tekstu = Language: from meaning to the text. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury. (In Russ.)
5. Komissarov, V. N. (1973). Slovo o perevode = On the translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia. (In Russ.)
6. Lvovskaya, Z. D. (2008). Sovremennyye problemy perevoda = Modern problems of translation. Moscow: LKI. (In Russ.)

7. Prunch, E. (2015). Puti razvitija zapadnogo perevodovedenia. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi = Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. (In Russ.)
8. Ticher, S., Meyer, M., Vodak, R., Vetter, E. (2017). Metod Analiza teksta I diskursa = Method of text and discourse analysis. Kharkov: Litera Nova. (In Russ.)
9. Torop, P. (1995). Totalny perevod = Total translation. Tartu: University of Tartu Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусаров Дмитрий Александрович

кандидат филологических наук

доцент кафедры немецкого языка

Московского государственного института международных отношений (университета)

Семенов Аркадий Львович

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка

переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gusarov Dmitry Alexandrovich

PhD in Philology, Associate Professor

German Language Department, MGIMO University

Semenov Arkady Lvovich

Doctor of Philology, Professor

Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

09.02.2024
11.03.2024
09.04.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication